

Глава 2: Птичка-счетовод

Птенец, что в императорском дворце из упрямства не притрагивался ни к еде, ни к воде, оказавшись в резиденции Пэй, с жадностью набросился на полную миску корма, словно боялся, что промедли он хоть на миг — и останется голодным.

Вспомнив, в каком состоянии ему доставили эту птицу, Пэй Ду невольно усмехнулся.

Набив зоб до отказа, Шэнь Цзюцзю понял, что больше в него не влезет ни зёрнышка. Сделав последний глоток воды, он с подчёркнутым изяществом обтёр клюв о крыло, а затем, сложив крылья, просеменил по жёрдочке, обошёл клетку по кругу и с надеждой уставился на своего благодетеля.

Пэй Ду слегка приподнял бровь.

— А птаха-то смышлёная, — с улыбкой заметил Чжун Бо. Управляющий резиденции Пэй служил в этом доме с давних пор и помнил своего господина ещё ребёнком. Видеть его в добром расположении духа было редкостью.

С того момента, как с клетки сняли покрывало, Пэй Ду не проронил ни слова. После мимолётной улыбки он лишь молча наблюдал за длиннохвостой синицей.

Хотя Шэнь Цзюцзю ещё не до конца смирился с тем, что превратился в птицу, он понимал: нет худа без добра. Будучи человеком, Шэнь Синэнь мало что мог сделать, но в облике птахи перед ним открывались безграничные возможности.

Подслушивать, собирать сведения — стоило Пэй Ду только пожелать, и он, Шэнь Цзюцзю, не раздумывая бросился бы и в огонь, и в воду.

Однако...

Птица была даром императора. Но, судя по всему, между его величеством и Пэй Ду царил лишь мнимый мир, а значит, положение его, Шэнь Цзюцзю, было весьма щекотливым.

Первостепенной задачей было не отплатить за доброту, а завоевать расположение господина, превратиться из безымянной императорской птицы в любимца первого советника Пэй.

В противном случае, если он вдруг вздумает чертить иероглифы лапкой, его сочтут нечистой силой и зажарят на вертеле.

Как же птице снискать расположение человека?

Что ж, в бытность свою человеком Шэнь Синэнь повидал немало пернатых в Цзяннани.

Первоначальный восторг от встречи, одновременно первой и новой, немного утих. Смущённо сложив крылья, Шэнь Цзюцзю, который до этого демонстративно отвернулся, теперь искоса поглядывал на Пэй Ду.

Тот сильно изменился за три года. Нынешний Пэй Ду казался холодным и неприступным, от него веяло властью.

Впрочем, чего ещё ожидать от первого советника, облечённого огромной властью.

Шэнь Цзюцзю, в чьём крохотном теле всё ещё жила душа юноши, немного помялся, но,

переступив через человеческую гордость, мелкими шажками подпрыгнул к краю клетки. Глубоко вздохнув и распушив хвост, он склонил голову набок.

Бело-серый пухлый комочек с нежно-розовыми щёчками принялся тереться о прутья клетки своей очаровательной головкой, умоляюще глядя на Пэй Ду чёрными глазками-бусинками.

Трель его зазвучала переливчато и выразительно, полная изысканных интонаций — он вложил всё своё птичье обаяние в безмолвную просьбу о ласке.

Но Пэй Ду не прикоснулся к нему.

Он по-прежнему смотрел на птенца с непроницаемым, изучающим выражением.

Серебряногорлые длиннохвостые синицы были данью из Западного края. Хоть их и привозили раз в несколько лет, они оставались редкостью. Очаровательные, круглые, с изящными длинными хвостами, они пользовались большой популярностью у столичной знати.

Даже в императорском гареме, где птиц держали нечасто, многие наложницы отдавали им предпочтение.

Причина была проста: эти милovidные создания не умели говорить и были от природы неуклюжи. Они с трудом поддавались дрессировке, не говоря уже о доставке писем — они и простейших команд-то не выполняли.

Такая безобидная и глупая птичка была идеальным развлечением.

«Нужно понаблюдать ещё».

Пэй Ду, который поначалу, заметив сообразительность птенца, хотел было отправить клетку в сад, передумал и велел оставить её пока на веранде у своего кабинета.

***

Жизнь в резиденции Пэй пришлась Шэнь Цзюцзю по вкусу.

Хоть он и оставался в клетке, здешние слуги разительно отличались от дворцовых евнухов.

Поилку ему чистили трижды в день, а в расписной фарфоровой кормушке лежала не только смесь из отборного проса, но и зёрна риса с яичным желтком.

Мяса, конечно, не давали, но и на том спасибо.

Шэнь Цзюцзю не смел и мечтать, что кто-то станет кормить его тушёной свининой, но от фруктов бы не отказался.

В благодарность за гостеприимство, зная, что Пэй Ду ценит тишину, он вёл себя очень смиренно. Лишь когда господин проходил мимо, птенец позволял себе тихонько чирикнуть.

Не только Чжун Бо, но и другие гости резиденции Пэй были очарованы этой умной и деликатной синицей.

— Цзюцзю? Чирикни разок?

На веранде у кабинета стоял красивый юноша, облачённый в тёмный халат с алым кантом.

Алая лента, пропущенная сквозь высоко забранный хвост, подчёркивала черноту его волос. Он просунул палец сквозь прутья клетки, пытаясь пощекотать сидевший внутри пушистый комочек, чьи пёрышки хоть и поблёкли, но уже успели распушиться.

Шэнь Цзюцзю был не какой-нибудь там птахой, готовой отозваться на любой зов. Он был птицей с чётким планом и преданностью одному хозяину!

Бело-серый комочек отпрыгнул в сторону, уселся на нефритовую жёрдочку в центре клетки, сложил крылья, закрыл глаза и замер.

— Кузен, до чего же у тебя забавная птица! — рассмеялся юноша.

Пэй Ду поднял глаза и, бросив взгляд на веранду, лёгким движением руки велел стоявшему перед ним управляющему продолжать.

Видя, что кузен не возражает, юноша вошёл в раж. Он снова попытался ткнуть птенца пальцем, но обнаружил, что тот устроился так ловко, что достать его сквозь прутья было невозможно. Это его только раззадорило.

Он знал, откуда взялась эта птица, и догадывался, почему кузен держит её здесь. В его глазах мелькнул огонёк, и он, легко поддев пальцем щеколду, открыл дверцу клетки.

Услышав щелчок, Шэнь Цзюцзю приоткрыл один глаз и увидел, как юноша отворяет клетку.

— Выйдешь? — прошептал тот. — Отведу тебя к твоему хозяину.

Сердце ёкнуло.

Ни одна птица не любит клеток, а уж тем более такая ненастоящая, как Шэнь Цзюцзю.

С момента своего перерождения он ни разу не покидал своей темницы и, конечно же, не мог по-настоящему приблизиться к Пэй Ду.

Колебания Шэнь Цзюцзю продлились не дольше вдоха. В следующее мгновение пушистый комочек уже скакал по руке юноши, просунутой в клетку, и взобрался ему на плечо.

Тот от неожиданности вздрогнул и хотел было схватить его, но, увидев, что птенец не улетает, а доверчиво прижимается к нему, нашёл это ещё более забавным.

Он широким шагом вошёл в кабинет, уселся и, достав откуда-то мандарин, попытался угостить птицу.

Но Шэнь Цзюцзю, считая себя птицей гордой и преданной, не только отвернулся от угощения, но и покинул плечо юноши. Скатившись по его руке, он спрыгнул на стол и с надеждой уставился на Пэй Ду.

Взгляд его был настолько прямым и жгучим, что не заметить его было невозможно.

Пэй Ду поднял глаза.

Юноша отчаянно засигналил ему бровями, указывая подбородком на птенца.

Бело-серый комочек, размером не больше мандарина из вазы, всем своим видом выражал преданность и ожидание. Хвост его так и задёргался от нетерпения — того и гляди, завилает.

«Надо же, птица, а повадки — кошачьи да собачьи».

В глазах Пэй Ду мелькнула тень улыбки, но тут же исчезла.

Он снова посмотрел на стоявшего перед ним пожилого управляющего с козлиной бородкой.

На столе громоздились стопки пожелтевших от времени счётных книг.

Сегодня у Пэй Ду и вправду не было важных дел, он лишь хотел приструнить зарвавшихся управляющих.

Обычно такие мелочи его не занимали, но в отсутствие хозяйки в доме и при занятости Чжун Бо другими делами, некоторые предприятия, которые он не мог доверить другим, требовали его личного внимания.

К тому же, раз уж эта птица оказалась на веранде его кабинета, нужно было создать видимость деятельности, чтобы понять, с какой целью император подослал её.

— Доходы шёлковой лавки в южной части города за прошлый месяц, — произнёс Пэй Ду, и от курильницы на столе потянулась тонкая струйка дыма. — Читайте.

Шэнь Цзюцзю вздрогнул и зарылся в вазу с фруктами.

Честно говоря, не только управляющему, но и ему самому стало не по себе от спокойного, ровного тона Пэй Ду.

По спине управляющего пробежал холодок. Он крепче сжал в руках счётную книгу и, вспомнив о крутом нраве господина, поспешно поклонился:

— Ваша милость, простите, должно быть, писец ошибся...

Пэй Ду молча смотрел на него, но краем глаза следил за птенцом.

Тот, видимо, испугавшись, втиснулся в вазу с фруктами, но хвост, конечно же, спрятать не удалось — тёмные пёрышки торчали наружу и подрагивали.

Управляющий сглотнул, прочищая пересохшее горло, и дрожащими руками открыл книгу.

— Тре-третьего дня первого месяца... продано... продано пять кусков облачной парчи... на сумму... двадцать лянов серебра...

Голос его был тихим и прерывистым, словно он боялся кого-то потревожить.

Пэй Ду молчал, лишь кончики его пальцев легонько постукивали по подлокотнику кресла.

Этот едва слышный звук заставил управляющего замолчать на полуслове. Капля пота сорвалась с его виска и, упав на страницу, расплылась влажным пятном.

Щёлк.

Тихий звук нарушил гнетущую тишину кабинета.

Управляющий, словно очнувшись, жадно задышал.

Юноша в алой ленте со странным выражением лица уставился на птенца.

Едва услышав цифры, Шэнь Цзюцзю сразу понял, в чём дело. Проверка счетов была ему знакома с детства — он рос, помогая матери в торговых делах в Цзяннани.

При ревизии главное — не говорить всё сразу, а намёками и угрозами выудить из подчинённых всю правду.

Поэтому, когда Пэй Ду заговорил, птенец совсем перестал волноваться. Выбрав из вазы самый спелый мандарин, он выкатил его головой на край.

Шэнь Цзюцзю уже несколько месяцев не пробовал фруктов.

Соблазн был слишком велик.

В знак преданности он не мог принять угощение из чужих рук, но никто не мешал ему добыть его самому.

Взобравшись на соседний фрукт, он перепрыгнул на край вазы, уселся и, орудуя клювом и когтями, принялся счищать кожуру. Вскоре он уже с наслаждением выклёвывал сочную мякоть.

Тот самый щелчок, нарушивший тишину, был звуком выплюнутой мандариновой косточки.

Заметив на себе взгляд Пэй Ду, Шэнь Цзюцзю замер, прижав лапкой дольку. Он виновато съёжился и склонил голову набок.

«Что с пташки взять. Пташка ни в чём не виновата».

Вид его был до того очарователен и наивен, что уголки губ Пэй Ду дрогнули в едва заметной улыбке, которую он тут же подавил.

Юноша тоже улыбнулся.

Он подошёл к столу, взял счётную книгу и, пролистав её, небрежно заметил:

— Хм, облачная парча — товар редкий. Её только в конце прошлого месяца из Цзяннани привезли, ещё и на учёт не поставили, а вы, управляющий, уже всё распродали.

Тот быстро нашёлся:

— Молодой генерал, это... это остатки с прошлого года...

— Вот как? Двадцать кусков простого шёлка в начале месяца, пятнадцать кусков парчи с золотым шитьём в середине, а в конце — восемь кусков атласа с цветочным узором из Сучжоу. Эх, от этих иероглифов голова кругом идёт. Я человек военный, в счетах не силен. Управляющий, помогите-ка сосчитать, сколько чего осталось?

Холодный пот заструился по его подбородку.

Он сам вёл эти книги и прекрасно знал, что цифры в них не сходятся. Но за долгие годы в резиденции Пэй никто так дотошно не проверял счета, и он совсем обленился.

Дело было не в простой арифметике. Если он сейчас признается в ошибке, и в резиденции Пэй

решат провести полную ревизию, ему конец.

Видя, что управляющий молчит, юноша хотел было продолжить, но Пэй Ду остановил его жестом.

Шэнь Цзюцзю, занятый своим мандарином, и не думал останавливаться. Задрвав хвост и придерживая дольку лапкой, он с видом знатока выклёвывал из неё мякоть.

При этом он тихонько напевал:

— Цзю, цзю-цзю-цзю~ цзю~ цзю-цзю-цзю-цзю-цзю~

— Что? — не понял юноша.

Он заглянул в книгу и наугад спросил:

— Парчи с золотым шитьём продано семь кусков?

Шэнь Цзюцзю, которого в детстве мать постоянно экзаменовала, не отрываясь от еды, инстинктивно ответил:

— Цзю-цзю-цзю-цзю, цзю-цзю-цзю-цзю~

«Осталось восемь. Любой ребёнок торговца сосчитает».

Этот управляющий даже на такой простой вопрос ответить не может, ясно же, что счета липовые. Интересно, сколько он успел присвоить.

Пэй Ду усмехнулся, его пальцы медленно отбивали ритм по столу.

— Забавно. Сдаётся мне, даже эта пташка справилась бы со счётами лучше, чем управляющий в доме Пэй.

Управляющий опустил голову так низко, что почти коснулся лбом пола. В голове его билась лишь одна мысль: как спасти свою семью. Но тут сверху раздался бесстрастный голос Пэй Ду:

— Говорите. Кто за вами стоит?

Очевидно, его интересовали не счета, а сам управляющий.

Но Шэнь Цзюцзю это уже не волновало.

В голове его эхом отдавались слова Пэй Ду: «...даже эта пташка справилась бы со счётами...». Он всё ещё стоял на мандариновой долке, но аппетит пропал.

«Ведь... это же нормально, что птица умеет считать. Правда?»

Тут он услышал чей-то голос:

— Ай-яй, какая умная птичка. И человеческую речь понимает, и считать умеет. Не шпион ли ты часом?

Юноша, который незаметно вернулся на своё место, подпёр щеку рукой и с усмешкой посмотрел на Шэнь Цзюцзю.

— Таких шпионов держать нельзя. Зажарить бы его. В армии мы часто жарим птичек на ужин. Мясо у них нежное, сочное, очень вкусное~

Аппетит у Шэнь Цзюцзю пропал окончательно. Затаив дыхание, он убрал лапку с мандарина, спрыгнул с вазы и забился в тень на краю стола.

Обхватив голову крыльями, он свернулся в комочек и с мольбой посмотрел на Пэй Ду.

«Я не шпион! Неужели меня, только что обретшего благодетеля, зажарят на вертеле?»

Пэй Ду тихо вздохнул. Проигнорировав покатывающегося со смеху кузена, он подошёл к столу и протянул руку к съёжившемуся пленцу.

<http://bllate.org/book/13669/1210565>